

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаем вашему вниманию очерк на еще одну тему животрепещущую, даже, можно сказать, большую. В седьмом и девятом номерах «Юности» за прошлый год публицист Евгений Иванов практически оплакивал родную ему Украину. Теперь перенесемся в Россию-матушку, например в Тюмень, и поговорим о современных, прости господи, юристах.

В Москве, к слову сказать, юристы в основном чистое ворье. Корреспонденты нашего издания наблюдали не раз, как полуграмотный, часто моложавый деятель очередной юридической конторы — в столице подобных организаций море разлитое — с трудом составлял простейшую бумаженцию, выманивая при этом у очередного доверчивого жителя под договор до ста тысяч рублей за одну консультацию. Подобные бумажки вскоре оказывались в обычной урне, а юридические «разводилы» зачастую вскоре предлагали свои услуги тем, на кого жаловался клиент.

Неужели так все плохо? Да, плохо! Именно так. Поэтому особо ценным является для нас откровенный очерк нашего тюменского автора. Очень надеемся, что пока не все юристы страны превратились в свору подонков и проходимцев, хотя общество движется к этому семимильными шагами. И это не удивляет. Страшно другое: юрист нынче профессия масовая...

ЮРИСТ

ОЧЕРК

Я служу вредному делу и получаю жалованье от людей, которых обманываю; я не честен.

Антон Чехов. Палата № 6

Деннис КОНТРА

Деннис Контра (настоящее имя Денис Булашов) родился в 1978 году в Тюмени. После окончания в 2002 году юридического факультета одного из тюменских вузов работал обозревателем правовой информации, юрисконсультантом в строительных и эксплуатирующих организациях, в управляющих компаниях. В настоящее время занимается частной юридической практикой. Литературным сочинительством автор увлекается с детства. С 1993 года пишет стихи. Первые самостоятельные пробы пера в прозе были предприняты Денисом еще в возрасте 8–10 лет. Псевдоним Деннис Контра (Dennis Kontra) выбран автором не случайно. Слово contra в переводе с латинского означает «против». Тем самым автор хочет подчеркнуть, что в своих произведениях он пытается выразить протест нормам поведения, сложившимся в обществе.

«Тяжела и неказиста жизнь российского юриста».

Не помню, где и когда я впервые услышал эту фразу, но помню, что она мне очень понравилась. В первое время при ее произношении я сразу представлял себя немного пьяным, едущим на заднем сиденье черного лимузина в обнимку с двумя пышными блондинками (или что-то в этом роде). Да, конечно

же, впервые эта фраза могла меня заинтересовать на первом курсе юридического факультета университета. Я будущий юрист, и будущая жизнь представлялась мне раем с непереманным хрустом новеньких большого достоинства купюр в кармане. Причем юридическая практика как таковая была чем-то очень отдаленным, главное — это фантазии о том,

каким образом я буду отдыхать, будучи юристом. Бесконечные застолья, вечеринки в ночных клубах, уважение и лесть любых окружающих меня людей, самые красивые девушки рядом со мной и деньги, деньги, деньги... И такие представления — только от того, что учился я довольно хорошо, на пятерки и четверки, и купался в похвалах преподавателей, а родные ставили меня в пример, гордились.

Теперь я настоящий юрист, вчера напился в престижном баре, пытаюсь развлекать вроде бы красноречивыми и глубокомысленными фразами молоденькую белокурую барменшу, которая меня обслуживала за стойкой.

— Ну, за что? — сказал я, приподняв первую рюмку водки и вопросительно взглянув на барменшу своими уже наверняка хмельными глазами, так как до посещения бара успел выпить пару кружек пива с одним из своих клиентов.

— Не знаю. За что хотите, — равнодушно ответила девушка.

— Тяжела и неказиста жизнь российского юриста, — сказал тогда я, немного улыбнувшись, и «накатил».

Как мне показалось, девушка заинтересовалась, так как тоже слегка улыбнулась, беглым взглядом осмотрев меня из-за стойки бара, и спросила, показывая на опустошенную рюмку:

— Еще?

Я кивнул.

— Присаживайтесь за столик, — пригласила она.

— Спасибо, мне удобнее за стойкой, тем более я один. — И присел на высокий табурет перед стойкой. — И позвольте ваше меню.

Девушка повторно наполнила рюмку и подала красную папку — меню.

— Так, — начал я водить пальцем по ярким строчкам на листах меню, торопливо переворачивая страницы. — Хотя, конечно, есть и такие фразы, типа: тяжела и неказиста жизнь российского таксиста, тяжела и неказиста жизнь российского артиста... А может, советского чекиста?! Короче, можно подставить название любой профессии, лишь бы в рифму. Но все-таки жизнь юриста ну о-о-очень тяжела и неказиста! Хе-хе!

— Это почему? — спросила девушка.

Тут я вытащил довольно внушительный «пресс» тысячных купюр, скрученный резинкой. Только что получил крупную сумму в качестве гонорара за выигранное дело. У барменши загорелись глаза. Она искренне повеселела. Интересно, почему? Может быть, работает за проценты?

— Мясное ассорти, зелень и соус, — заказал я, сразу расплатился и опустошил вторую рюмку.

— Не, серьезно, ну что хорошего быть юристом? — продолжал я, показав знаком, что собираюсь выпить еще. — Во-первых, юристы в большинстве своем обманщики, бессовестные люди. Каждый из них старается поднять закон под собственное «я», под собственный характер, под свое представление о том, что хорошо и что плохо. А во-вторых, они те же самые предприниматели, они просто зарабатывают деньги. Юрист не собирается отдать всего себя вместе со своими знаниями и способностями, чтобы помочь клиенту. Но клиенту кажется именно так, когда он пришел к юристу на консультацию, а последний перед ним распинается и...

— Вас что, юрист обманул? — Барменша наполнила третью рюмку.

— ...и использует актерские данные. — Я взял рюмку, многозначительно посмотрел на нее и помню, что со вздохом ответил: — Нет, просто я сам юрист.

Реакция была неоднозначной. Барменша через некоторое время, когда я уже намахнул и закурил, заискивающе залепетала:

— Знаете, у меня есть одна проблемка. Не могли бы вы мне помочь?

Конечно, конечно, помогу. Ведь я юрист. А в чем ваша проблемка? Конечно же, помогу, только бы ты, аппетитная блондиночка, составила мне компанию, когда я пойду домой, и т. д. и т. п.

Но юристом быть — это все-таки плохо. Но юристом быть — это и хорошо тоже... Быть юристом — это круто, вот что я всячески пытался показать за стойкой бара. Хотя, в общем, последнее время показываю все чаще и чаще эту крутость, особенно людям, которых считаю ниже себя по положению. Что это? Высокомерие?

Сколько я еще выпил, точно не помню, но поел довольно сытно...

Утром прозвенел будильник в телефоне, и я боялся открыть глаза. Как только я открою глаза, мой череп расколется на две части, а комната начнет медленно вращаться вокруг меня. Точно, так и есть. Вращается, черт возьми.

Но надо встать с постели и через час быть в суде.

Поднимаю туловище и сажусь, опустив ноги на пол. Комната начинает набирать скорость, вращаясь все быстрее, и через пару секунд я снова лежу в постели. Выжидая некоторое время и повторяю свой трюк. На этот раз получается. Опираясь о стену рукой, я удерживаюсь на ногах и уже могу, преодолевая головокружение, добраться до ванной комнаты...

Круто! Круче не бывает! Будь юристом!

Вот сейчас сижу на полированной деревянной скамейке в холле районного городского суда перед кабинетом федерального судьи. Сообщила секретарю о своем приходе в назначенный час и ожидаю приглашения на судебный процесс. Что-то представителя ответчика не видно, хотя время начала разбирательства дела уже подошло.

Теперь, повторяюсь, я настоящий юрист. Сижу здесь я, представитель истца по гражданскому делу. По гражданскому делу о сохранении нежилого помещения в перепланированном и переустроенном состоянии. Сижу в новом сером отутюженном костюме, белой сорочке и разноцветном галстуке (с утра успел захватить в химчистку, взять костюм и облачиться в него). Рядом на скамейке мой коричневый кожаный портфель. На стоянке перед зданием суда такси, водителю которого заплачено, и еще будет заплачено столько, что он готов дожидаться моего прихода хоть до ночи.

Мимо меня — проходной двор: проходят, кто быстрее, а кто медленнее, кто с бумагами, папками, портфелями, а кто без всего, работники суда и посетители. Работники суда — это секретари, помощники судей и судьи — все они в основном лица женского пола. Ну есть, конечно, и судьи-мужчины. Судья-мужчина, как правило, встречается довольно редко, занимает в суде руководящую должность и специализируется на уголовных делах. Еще проходят с озабоченным и потерянным видом граждане, пытающиеся самостоятельно защищать или отстаивать свои права. И проходят (куда они денутся?! они везде!) юристы. Есть такие же, как я, одетые с иголочки, мои напыщенные высокомерные коллеги, прибывшие сюда за рулем дорогих автомобилей. Но большинство юристов здесь и вообще — этикие средненькие на вид граждане. Как правило, они среднего возраста, среднего роста, с правильными чертами лица и одеты просто, не вызывающе, но качественно. Осталось только добавить, что среднего пола... ха-ха! Они не выделяются из толпы. Хотя у каждого наверняка солидный счет в банке и дети шикуют где-нибудь, но скоро тоже превратятся в средненьких. Со многими из коллег я здороваюсь, лстиво улыбаясь. Среди них есть и кадры, одетые кое-как и добравшиеся сюда пешком, но их единицы. Начинаящие! Таких видно сразу, и характеризуются они с нашей стороны однозначно — неудачники, но некоторые потенциальные клиенты видят в них себе подобных, ущемленных в правах, поэтому иногда доверяют им. В будущем эти неудачники, по мере увеличения размеров их гонораров и, соответственно, по мере потери совести, в большинстве

своим становятся моими напыщенными высокомерными коллегами.

Да, забыл, в «проходном дворе» еще встречаются сотрудники охраны — судебные приставы (все мужчины). Они, наверное, считают своим долгом постоянно заигрывать с секретаршами и помощницами судей.

Короче, примерно такие впечатления в пределах моего кругозора. Так с похмелья. В трезвом виде думаю о другом.

Ужасно хочется опохмелиться. Непременно зайду в бар после процесса и выпью парочку бокалов коньяка. Судебный процесс закончится быстро, знаю... уверен... Чувствую терпкий вкус коричневатого напитка. Уже скоро.

Но Впрочем, кто они, юристы? С бумажками и без, деловые и безразличные.

Согласно нашему действующему законодательству, в уголовном процессе защитником подозреваемого и обвиняемого может быть только адвокат. По всем остальным делам любой гражданин в принципе может быть представителем в судах и иных государственных органах, а также муниципальных органах, на предприятиях, в учреждениях и организациях различных форм собственности... К остальным делам относятся гражданские, административные, жилищные, семейные дела и т. д. Не буду перечислять все отрасли права, да и не уверен, что все вспомню сейчас.

Можно работать одному, не имея над собой никакого начальства. Работая в какой-нибудь юридической фирме, нарабатываешь себе круг верной клиентуры, желательно специализирующейся в сфере предпринимательства, посылаешь начальство юридической фирмы «куда подальше» и увольняешься. А затем регистрируешься индивидуальным предпринимателем с видом деятельности «деятельность в области права», потихоньку подтягиваешь к себе круг верной клиентуры — и все, процесс заработка денег попер. И делиться ни с каким начальством не надо! Как я.

А можно вообще даже индивидуальным предпринимателем не регистрироваться. Зачем? Все равно трудно вам будет, господа полицейские отделов по борьбе с экономическими преступлениями, доказать, что мои действия подпадают под состав преступления «незаконное предпринимательство»!

А что такое судебный процесс? То, что вы видите по телевизору, — все неправда. О, если бы было так, как показывают по телевизору!

У нас, на периферии, большая часть судебных процессов по гражданским делам проходят в кабинетах судей. Нет никакой торжественности...

О! Вышла молоденькая длинноногая секретарь, подошла ко мне и улыбнулась, сверкнув рядом стройных отбеленных зубов. Затем она, обращаясь именно ко мне, громко спросила у всех присутствующих в холле:

— Кто по делу Манина к управе Ленинского района?

Этак дешево притворилась, что не осведомлена о моем участии в судебном процессе. Где же я ее видел? Впрочем, неважно.

Я встал, тоже улыбнулся и сказал ей:

— Я. Пойдемте!

Зашли через предбанник (кабинет секретаря и помощника) в кабинет судьи.

— Доброе утро, — безразлично произнес я судье — всегда усталой женщине с колючими глазами, с которой как-то познакомился на вечеринке у знакомого следопыта прокуратуры (всех их, следователей, мы называем следопытами).

— Ох, Эдуард Давидович, утро добрым не бывает, — вздохнула судья и, через минуту дочитав что-то в деле, продолжила: — Все в порядке. Распишитесь у секретаря и через пять дней — за мотивированным решением. До свидания.

— Всего доброго, — сказал я и тем же путем вышел в холл, предварительно поставив подпись в расписке о правах и обязанностях.

Расписку подсунула секретарь и все время улыбалась и заглядывала в глаза — молоденькая, длинноногая...

Вот и весь судебный процесс. Я же говорю, нет никакой торжественности.

Клиенту я, конечно же, сообщу, что суд состоялся по всем правилам и нормам судопроизводства, с участием ответчика и со всевозможными трудностями, для преодоления которых мне пришлось приложить неимоверные усилия.

Широкая лестница высокого крыльца мелькает у меня под ногами. Я выхожу из суда и залезаю в мое такси, услугами которого пользуюсь уже года три, наверное. И, как правило, один и тот же таксист меня катает, так как я высудил для него квартиру его бывшей жены.

— Димон, — обращаюсь я к таксисту, — поехали в «Черный пузырь», ресторан этого... американца, у него еще предки из наших краев. Знаешь, где находится?

— Да, я в курсе, — отвечает Димон.

Вот если бы всегда все судьи на каждое судебное разбирательство надевали судейскую мантию, участники процессов в зимнее время года не парились бы в суде в верхней одежде (в судах почему-то нет гардеро-

вов для посетителей или они не работают), процессы бы проводились в залах судебных заседаний, выполнялись бы правила, закрепленные процессуальным законодательством, присутствовал бы секретарь судебного заседания, велся бы протокол...

И еще, если бы одна из сторон процесса заранее не договаривалась с судьей об исходе дела... Так бывает. Что скрывать? Допустим, так. Судья когда-то был студентом (или студенткой) юридического факультета какого-нибудь престижного вуза. Там познакомился (или познакомилась) с другими студентами и студентками. Некоторые из них все-таки стали юристами и адвокатами. И теперь они, являясь, конечно же, хорошими знакомыми такого судьи (да что говорить, непременно друзьями), не откажутся от удовольствия вступить в судебный процесс, на котором председательствует этот судья. В гражданские и арбитражные процессы вступают, как правило, на стороне ответчика — после того как ответчику кое-кто посоветует, к какому юристу за помощью следует обратиться. Судья-то ведь догадывается почему-то, что истец проиграет дело.

Или, вдобавок, если бы представители сторон перед вынесением судьей решения не договаривались заранее между собой, как себя вести, что говорить, какие доводы и аргументы приводить, на какие статьи закона ссылаться при отстаивании прав клиента. Не договаривались бы для того, чтобы судья оказывался в безвыходном положении и принимал незаконное и необоснованное решение, и для того, чтобы сторона, наиболее платежеспособная, проиграла дело. А когда она проиграет дело — о-о-о! — работу можно продолжить! Решение целесообразно будет обжаловать, и представители обеих сторон еще побольше заработают. Превосходно! В следующей судебной инстанции все довольны! Довольны: судья — что решение законно и обоснованно, представитель одной стороны — что получил премию за выигрыш дела в первой инстанции, представитель другой стороны — что получил премию за выигрыш дела во второй инстанции, представители обеих сторон — что поделили свои гонорары «по справедливости», затянув длительность процесса, — и выигравшая сторона соответственно. Ну а проигравшая сторона? Эта сторона не в счет, ведь количество довольных исходом дела превышает количество недовольных! Ура!

Вот если бы эти мои мечты, мечты о том, что не должно быть в суде так, как есть в действительности... Нет, не должно быть так! Вот если бы они воплотились в жизнь, тогда, может быть, суд был бы судом, и действительно чувствовалось бы, что здесь вершится правосудие. Тогда я бы знал, что мои коллеги честны,

и мне не хотелось бы лгиво улыбаться, кого-нибудь угощать в дорогих ресторанах, пропивать гонорары, чувствуя угрызения совести...

Бывают, конечно, и настоящие судебные процессы, когда разбирательство дела происходит в точном соответствии с процессуальным законодательством. Когда правосудие осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Когда понимаешь, что на самом деле восстанавливаются законность и правопорядок. В общем, тогда интересно состязаться. Но дела такие редки и чрезвычайно сложны. Я участвовал только в двух. И чувствовал, что здесь «пахнет справедливостью». Чувствовал, что я — законник, профессиональный советник по правовым вопросам. А так-то кто я? Стряпчий, как раньше говорили. Вот я и стряпаю.

— Подъехали, Эдуард Давидович, — сообщает Димон (он старше меня лет на десять, а обращается ко мне по имени-отчеству).

Я открыл глаза. Немного прикорнул, пока ехали.

— О, отлично! — Я взбодрился и, достав из бумажника оговоренную сумму, заплатил Димону. — Подождешь еще часик, пожалуйста? Я перекушу, и домой.

— Хорошо.

Ресторан «Черный пузырь», довольно внушительное здание в виде огромного шара из стекла и бетона, примерно с трехэтажный дом, был недавно выстроен и открыт в нашем захолустье.

На этот раз я присел за столик, заказал стандартный бизнес-ланч и сто граммов коньяка и принялся всю эту вкуснятину поглощать (с похмелья, бывает, очень кушать хочется).

Теперь, говорю в третий раз, я настоящий юрист, однако не могу сказать, что я в восторге от своей профессии. Скорее наоборот, но с недавнего времени.

Помнится, устроившись на первую после окончания университета работу, в юридическую фирму, первые полгода я работал честно. Но честность всегда приводила меня в тупик — недоволен либо клиент, либо работодатель, либо судья. И в течение этих первых шести месяцев работы меня всячески доводили до уровня «настоящего юриста». Всячески — это словесными вздрючками начальства и примерами моих более опытных коллег. По окончании полугода работы я перестал попадать в тупики. Тупиков не стало. Появились только проходные тоннели, на входе в которые поставлена правовая проблема клиента, а на выходе клиента ожидают ее положительное решение и я со счетом в руках. Однако еще появилось другое — сожаление от содеянного мной, поскольку у меня имеется совесть, а проход от начала до конца

тоннеля тернист и весьма сомнителен с точки зрения законности и истины.

Короче, меня научили врать всем, кто возникает на пути перед моей победой. Наверное, во мне ощущались предпосылки к такому вранью.

Все, я поел. Коньяк заканчивается. Надо бы позвонить клиенту, а после определиться с приятным времяпрепровождением на вечер. Может быть, сгонять в каляян-клуб? Или в стриптиз-бар?

— Добрый день, Андрей Альбертович, — звоню клиенту, будучи представителем которого я выиграл сегодняшний процесс. — Поздравляю вас! Мы одержали победу.

— О, спасибо, Эдуард Давидович! А я так сомневался из-за снесения несущих стен. Все-таки первый этаж! И жилой дом!

— Все в порядке, — продолжаю я, — только в процессе участвовал представитель ответчика, Зинаида Олеговна, сложная женщина, уже в годах, действует в строгом соответствии с буквой закона... Короче, пришлось с ней договориться.

— Сколько? — вздохнув, спрашивает Андрей Альбертович.

— Еще двадцать.

— Что ж, я произведу оплату.

— Согласно договору, на следующий день после вступления решения в законную силу... Эта сумма плюс моя премия.

— Договорились.

— Тогда до встречи.

— До свидания, Эдуард Давидович.

Допил коньяк и закурил. Пожалуй, осилю еще столько же — и домой. Подзываю официантку и заказываю. Она профессионально улыбается и уходит выполнять заказ, тоже профессионально виляя кое-чем в коротенькой юбочке.

И так я вру, вру и вру постоянно. Профессия юриста заставляет меня быть лжецом. Я лжец, но лгу по правилам.

Вот одно из правил лжи в моей профессиональной деятельности. Если дело точно выигрышное, легкое, то скажу, что очень сложное, и буду выманывать деньги с клиента, сочиняя все новые и новые сложности дела. Если же дело трудное, даже не выигрышное, то я скажу, что оно для меня пара пустяков, я его выиграю быстро и дешево для клиента. А затем, когда проиграю, ко мне нельзя будет придаться и законным способом (хотя и незаконным тоже) взыскать выплаченное мне вознаграждение. Ха! Ведь у меня же так грамотно составлен договор об оказании правовой помощи, который вы уже подписали!..

— Ваш коньяк, — говорит официантка и ставит на мой столик стеклянный кувшин с коньяком, бокал и блюдо с нарезанным лимоном.

— Спасибо, — отвечаю я и наливаю коньяк в бокал.

Цежу коньяк и продолжаю раздумья.

Я лжец только ради денег, ради собственного материального благополучия.

Я мог бы работать вообще бесплатно, если бы был достаточно богат, чтобы обеспечивать себя и, скажем, мою маму (папы уже нет). Мне не составляет никакого труда оказать какую-нибудь юридическую услугу, тем более если она будет иметь положительный результат. И когда я оказал бы ее бесплатно, я был бы более рад, чем сейчас, когда окажу ее за огромные, на мой взгляд, деньги, при этом еще навешав клиенту лапшу на уши, как будто бы я провернул неимоверную работу, привлек связи в высших кругах общества и т. д. и т. п. Как это противно! Противно выманивать последние сбережения пожилой пенсионерки для выполнения действий, которые можно сделать бесплатно или которые вообще делать не надо, так как дело бедной пенсионерки разрешится и без их выполнения. Но, черт возьми, мне нужны деньги, я должен на что-то жить и соответствовать своим напыщенным коллегам.

Еще можно предложить юридическую помощь процессуальному противнику. Выигрывая процесс, скажем, на стороне истца, преследуя цель зарабатывать деньги, в итоге начинаешь помогать за деньги ответчику. Короче, начинал работать на истца, в результате работаешь на ответчика. Хотя из-за сожаления, искреннего желания помочь тоже, особенно после того, как сам же и разгромил все его аргументы в пух и прах.

Но, елки-палки, как же быть честному юристу, жалеющему, например, бедных пенсионеров? Как ему существовать? Ведь он не лжет. И, соответственно, деньги получает только за правду. А если он выпьет в баре на скромный гонорар со своими напыщенными коллегами, блистающими банальными знаниями, психологическими уловками и правилами ведения бизнеса? Как он живет потом? Наверное, ходит пешком, не обедает и выносит презрение своих иждивенцев и кредиторов? Или не выпьет в баре? Куда же тогда выплеснет свои эмоции, если они, к примеру, у него имеются? Может быть, просто бросит свою работу и будет лежать дома на диване и снова выносить презрение своих ближних. Ведь вряд ли он захочет быть увиденным своими напыщенными коллегами и клиентами работающим где-нибудь в сфере обслуживания.

Таких честных, наверное, один из тысячи. Хотя как узнать заранее, честен юрист или нет? Обманет он вас, процессуального противника или судью? Вы, например, никогда не узнаете, как я выиграл дело, честно или в чем-нибудь схитрил. Построены мои доказательства на истине или на лжи.

Однако все-таки это жалость. Зачем жалеть этих презренных честных юристов, не могущих переступить через свою совесть?

А если, не дай бог, такой честный юрист решает чужие проблемы и при этом сам довольно проблематичен, точнее, сам «сидит в куче дерьма»? Тогда все, кранты! Тогда скоро он действительно будет лежать на диване и выносить презрение своих ближних, так как не смог ни выиграть дела клиентов, ни решить свои проблемы.

Хочешь быть преуспевающим юристом? Для начала определись, какова психологическая структура твоей личности, можешь ли ты не принимать все близко к сердцу. Если ты хотя бы не флегматик, то по крайней мере приготовься к бурным возлияниям.

Я не знаю, какой степенью терпения, отсутствия эмоций, бесчувственности, флегматичности необходимо обладать, чтобы быть юристом, пытаюсь зарабатывать на правде. Я знаю, какой, — но только для того, чтобы зарабатывать на лжи. И если не обладать необходимой степенью указанных качеств, то куда и как выплескивать свои эмоции, которые я бы с удовольствием выплеснул на своих клиентов и других юристов?

Куда, куда?! В себя! В себя, заливая алкоголем! Сделал гадость и залил ее спиртным! Стало легче. И выглядишь честным и не нервничаешь. Как я. И деньги есть.

Хотя для кого-то нарушить закон — это не гадость. Для кого-то цель оправдывает средства. И этот кто-то, «достопочтенный законник», давно уж не помнит, что такое угрызения совести, чувства, эмоции. Главное для него — материальное благополучие и собственная правота, все остальное — ничто.

Он весь лоснится своим гардеробом, офисом, автомобилем, жильем... И для того, чтобы эти вещи продолжали лосниться, его юридические услуги должны быть дороже, чем услуги тех честных юристов, которые кажутся неудачниками. Но качество его услуг от их стоимости не улучшается.

Он всегда улыбается. Он успешен. По крайней мере, знает, что надо выглядеть успешным.

Он не стоит в очередях в канцелярию суда, чтобы сдать иск. Ведь он «достопочтенный законник», ведь он «заслужил» уже не спрашивать: «Кто последний?» и невозмутимо заходить в кабинет, не обращая вни-

мания на очередь, а в случае чего совать свою ксиву под глаза возмущающимся. Ведь он «заслужил» предвзято разговаривать с секретарями, «заслужил» при входе в здание суда не проходить через металлоискатель и злобно возмущаться, когда его останавливают охранники с требованием предъявить документы. «Ты что, не узнал меня? — спрашивает он у молодого охранника. — Смотри и читай», — и в дело опять идет ксива.

Ведь он уже лучше всех остальных своих коллег, уже выше их, круче их...

Допиваю коньяк. Сам подхожу к стойке бара и расплачиваюсь с барменом по счету. Не хочется дожидаться официантку, сидя за столиком без коньяка. Да и зачем эксплуатировать ее, она тоже человек, вечером еще набегаются с подносами.

Пожалуй, сделаю следующим образом. Заеду домой, посплю и приму душ. А затем вначале проведу время в кальян-клубе, а после, вечером, заеду в стриптиз-бар...

Спускаюсь к Димону и излагаю план дальнейших действий.

Поехали.

Интересно, где очнусь? Надеюсь, у себя дома...

Может быть, кажется, что моя работа такова, какой я представлял ее, будучи студентом? Сплошной отдых с хрустом большого достоинства купюр в кармане? Бары и рестораны, вечеринки в ночных клубах, уважение и лесть любых окружающих меня людей, самые красивые девушки рядом со мной и деньги, деньги, деньги...

Нет, так лишь вчера и сегодня. Расслабился. Завтра буду болеть после обильных возлияний, потом возьмусь за очередное дело, и начнется рутинная — бумажки, бумажки, бумажки (в смысле документы)... порча зрения перед экраном компьютера... общение с бюрократами через их слуг...

А что ждет меня в недалеком будущем? Уже сегодня меня достает глобальная сеть. С помощью информационных ресурсов Интернета каждый дурак может составить иск на примере других и сам защитить свои права. Спрашивается, зачем же вообще тогда нужен юрист? Чем дальше в будущее, тем всего вероятнее, что юрист будет нужен, чтобы законно нарушать закон. Юрист все более и более мошенник, аферист, взяточник, короче, преступник.

А что будет лет через двадцать? Наверное, компьютер вообще заменит всю систему юриспруденции (ну, за исключением деятельности силовых структур, охраняющих законность и правопорядок). Например, в будущем возникнет между двумя субъектами спор о каком-либо праве, они соберутся, войдут через Интернет на какой-нибудь официальный сайт судебных услуг, зарегистрируются и проинформируют умный судебный компьютер, обладающий феноменальной памятью, о сути своего спора. Затем наймут виртуальных адвокатов-компьютеров, и в считанные секунды судебный компьютер выдаст спорящим субъектам судебное решение. Оперативно и минимум хлопот, не правда ли?

Ну а в кого превращусь я? Быть может, в того самого «достопочтенного законника»?

И какие еще смертные грехи я буду регулярно совершать, продолжая оказывать юридические услуги? Уже сейчас я хочу стать самым лучшим юристом в городе, то есть ходячей энциклопедией. Хочу выигрывать все судебные процессы и получать самые большие гонорары. Хочу, чтоб судьи боялись лишь одного моего присутствия в судебном процессе, не говоря уже о том, что они должны испытывать, если я открою рот и заговорю. Пускай в обморок падают! Короче, я горд и завистлив, и деньги в моей жизни все чаще становятся на первое место.

А если стану адвокатом? С чем ассоциируется слово «адвокат»? Мне прежде всего приходят на ум первые две буквы в этом слове. А когда полностью разделишь данное слово на определенные части, то страшно становится. Смотрите, получается так: «ад», «в», «окат». Слово «окат» — устаревшее слово и означает (например, согласно словарю русского языка Татьяны Ефремовой) округлую форму чего-либо, округность, округлость. Таким образом, слово «адвокат» значит «ад вокруг» или «ад по кругу»...

Но если взять да и отказаться от своей работы, бросить ее, заняться другой деятельностью? Только от страха, что не выиграешь дело, потому что никогда не уверен, что выиграешь. Но разве можно? Это малодушие. Зачем тогда надо было пять лет корячиться в университете и забивать свою память нормами права?

Нет, я не брошу работу юриста и в будущем сдам экзамен на адвоката. Потому что из десяти-двадцати так или иначе обманутых мной клиентов одному я действительно честно помогу, и он останется доволен результатом.

